

лучшего. Так, несмотря на то что к работе над главой об эпосе был привлечен большой коллектив исследователей, она не самая удачная в книге. Здесь, к сожалению, не все стороны освещены древний героический эпос ногайлинского цикла, его историческое своеобразие раскрыто недостаточно полно. Глава об эпосе открывается общей характеристикой его развития. Было бы целесообразно проследить эволюцию эпической техники, вскрыть ее своеобразие в каждом из эпических образцов. Но авторы разделов о раннем эпосе ограничились лишь частными наблюдениями. В результате историческая перспектива развития этого жанра выглядит в книге недостаточно четко.

Глава о загадках напоминает скорее конспект главы.

Несмотря на то что в книге много интересных суждений о взаимосвязях казахского фольклора, некоторые материалы нуждаются в более широких сопоставлениях. Известно, например, что поэтические соотнесения распространены у многих народов, особенно на Востоке. Было бы интересно подробнее сравнить с ними казахский айтыс. Следовало бы провести сравнительный анализ сказок об Алдаре-Косе, эпических произведений о Кёр-оглы, Алпамысе, Козы-Корпеше.

Книга довольно тщательно отредактирована, но порой все же наблюдается разный подход к изложению материала, что, конечно, в значительной степени зависит от самого характера излагаемого материала.

Не всегда удачны русские переводы казахских текстов (например, загадок, пословиц). Конечно, в научном труде этого типа они должны быть дословными (по возможности), но художественно не слабыми.

В целом книга как по глубине освещения вопросов, так и по подбору материала весьма удачна. Появление ее на русском языке, надо думать, будет встречено с благодарностью не только литературоведами, но и читателями, интересующимися вопросами фольклора казахского народа.

Новая книга о казахском фольклоре является, на наш взгляд, значительным вкладом в литературоведческую науку.

З. А. Ахметов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Matti Sarmela. Reciprocity systems of the rural society in the Finnish — Karelian culture area. With special reference to social intercourse of the youth. FF Communications, vol. 88, № 207. Helsinki, 1969. 347 стр. + карты.

Содержательная этнографическая серия Финского общества фольклористов (FF Communications), издаваемая с 1911 г., обогатилась еще одним очень ценным трудом. Монография Матти Сармела «О системах взаимности в сельском обществе в финско-карельском культурном ареале» охватывает значительно больший круг этнографических (или этно-социологических) проблем, чем это может показаться по заглавию. Речь идет, собственно, не о «взаимности», а о разнообразных формах общения людей, особенно молодежи, в рамках старых обычаев, связанных с традиционным общинным бытом, и о более новых формах общения, порожденных распадом старых общинных связей и проникновением новой экономики и новых культурных влияний.

Высокая научная ценность монографии Сармела определяется тремя обстоятельствами: во-первых, необычайным обилием фактического материала, на котором она построена: обширный финско-карельский культурный ареал покрыт густой и сравнительно равномерной сетью точек информации, и в общей сложности автор располагал более чем 10 тысячами свидетельств информаторов из разных районов изучаемой области (стр. 16—17); во-вторых, в диахроническом плане его источники охватывают период от позднего средневековья, примерно с XV в. и до наших дней, что позволяет проследить изменения обычаев строго исторически; в-третьих, автор ни на минуту не забывает о неразрывной связи всех сторон общественной жизни людей; интересующие его обычаи и рассматриваются на широком социологическом фоне в связи с формами хозяйства и с формами семейно-родовых общинных отношений, с вероисповеданием (католики, лютеране, православные) и общим уровнем культуры,— все это в историческом развитии.

Свою научную методологию автор называет «плюралистической» и не пытается, по его словам, применять к изучению факторов ни «функциональную», ни «эволюционную» теорию (стр. 9). Однако во всем труде явственно ощущается влияние идей новейших западноевропейских и американских школ, особенно влияние идей Рэдклиф-Брауна и Малиновского, которые Сармела пытается сочетать и с теорией «идеальных типов» Макса Вебера (стр. 12), и с современными структуралистскими концепциями и теорией аккумуляции. Влияние Рэдклиф-Брауна всего яснее сказалось на старании ав-

тора разграничить «социально-антропологический» и «этнологический» аспекты проблемы (стр. 9); влияние Малиновского — в терминологии («институционализация» и т. п.). Как мы увидим дальше, что увлечение модными взглядами кое в чем повредило работе Сармела, но в целом автор сумел взять все положительное от новейших этнографических течений и — что особенно важно — сохранить строго историческую позицию в трактовке изучаемых явлений.

М. Сармела выделяет два крупных исторических периода, пройденных финским народом: «сельский» и «аграрный». Под понятием «сельский», видимо, понимается период, когда «культура полностью зависит от натурального хозяйства» (on natural economy in general): В этот период социальная организация была построена на больше семейно-родственных институтах (on the extended family and kinfolk institutions). Это было общество, неустойчивое в социально-экономическом отношении. Термин «аграрный» употребляется в более ограниченном смысле, означающем форму культуры, основанную на чистом земледелии, а поэтому оседлую. В Финляндии аграрное общество представлено устойчивой крестьянской культурой, характеризующей сельским поселением, основанным на разделе полей («линейная деревня») (стр. 13).

Довольно последовательно на основе конкретных исторических свидетельств рассматривается эволюция форм общения людей, в частности молодежи, в связи с указанным общим направлением развития условий жизни народа.

Всю первую часть (около половины книги под названием «Системы взаимности в исторический период» занимает очень обстоятельное описание различных праздников и других форм социального общения молодежи. Она разделяется на 5 глав: «Местные праздники», «Семейные праздники», «Сборища, связанные с трудом», «Развлечения молодежи» и «Ночные ухаживания у молодежи». В первой главе рассматриваются местные церковные и традиционные праздники, в том числе праздники, к которым по традиции был приурочен наем батраков, особый молодежный праздник «киху» (на Карельском перешейке), своеобразный «праздник ножен», когда по старинному обычаю парни делали девушкам брачные предложения в символической форме, вкладывая нож в висящие у девушки на поясе пустые ножны, а также «ягодные ярмарки». Во второй главе подробно прослеживается историческая эволюция обычаев, связанных с заключением брака, — различные предсвадебные и свадебные церемонии.

Третья глава посвящена обычаям совместного труда, сочетающегося с развлечениями (посиделки, вечеринки, соседская взаимопомощь и пр.). Четвертая глава — собственно молодежным танцам, играм и т. п. Наконец, в пятой главе рассматривается своеобразный, глубоко архаический обычай ночных визитов парней к девушкам и ночного ухаживания. Этот обычай широко распространенный в прошлом в странах Северной и Центральной Европы и, видимо, проникший в Западную Финляндию из Швеции (в Восточной Финляндии он выступает лишь в нетипичных формах, а в православной Карелии совсем неизвестен, стр. 157—158), был связан, с одной стороны, со старыми традициями доброй половой свободы молодежи, но, с другой — был подчинен очень строгим правилам этикета, особенно при «групповом» варианте обычая ухаживания.

Второй большой раздел книги под названием «Рамки социализации», где рассматривается состав общественной группы, именуемой «молодежью» включает параграфы: «Социализующиеся группы молодежи», «Предпосылки социализации», «Членство в социализирующихся группах» и «Солидарность социализирующихся групп».

В статическом и гомогенном крестьянском обществе входящие в него группы определяются возрастом и брачным состоянием: ведь все члены общества выполняли одинаковую работу, хозяйство было натуральным. Перемены в социальном статусе каждого индивида зависели от возраста и особенно от вступления в брак. В брачном возрасте различались под особыми терминами дети (мальчики и девочки) до 15 лет, 15-16-летние парни и девушки и молодежь с 17 лет (стр. 182). Церковь со своими правилами о конфирмации и пр. вносила изменения в распределение молодежи по возрастам. Выделялась группа «бойцов», образовавшая сплоченное целое; существовали особые группы парней, совместно участвовавшие в ночных ухаживаниях за девушками. Членство в группах определялось возрастом и наличием определенных физических качеств и навыков. Финское крестьянское общество не знало системы собственности инициаций, и особой проверки требуемых качеств не было, но наличие их обнаруживалось в быту: от парня требовалось умение изготавливать различные деревянные изделия, сани, лодку, умение пахать и пр. Девушка должна была уметь остричь овцу, прясть, ткать, шить и выполнять различные домашние дела. Само членство в молодежных группах налагало определенные обязательства, соблюдение дисциплины. Нарушители дисциплины и традиционной этики подвергались наказаниям: от насмешек до унизительных карательных мер (особенно это касалось девушек с «дурной репутацией»). По отношению к иносельчанам нередко проявлялась враждебность, жестокие шутки.

В новое время (с XIX в.) солидарность молодежных групп стала проявляться и в оппозиции к старшим: в отказе соблюдать традиционные правила брака, жениться по указке старших (стр. 206—207). В конце XIX в. возросла социальная мобильность финской молодежи, стали смягчаться взаимоотношения между молодежью разных селений, расширились формы общения, расширился круг выбора брачных партнеров, особенно для более зажиточных людей (стр. 207—208).

В главе «Исторические точки контакта» прослеживаются этапы развития танцев от старинных хороводных плясок с песнями к более поздним общественным танцам и от них — к новейшим парным танцам, которые в Восточной Финляндии и Карелии совсем недавно были неизвестны. Автор говорит о влиянии сельских молодежных традиций даже на школьную и университетскую молодежь, об усилиях властей и церкви начиная уже с XVII в., ограничить, если не совсем запретить, игры, танцы, развлечения молодежи: усилия эти были тщетны, но по этим административным актам можно судить о постепенном изменении господствующих взглядов на разные формы общения молодежи (стр. 220—227).

В заключительной главе «Синтез взаимного действия» автор подводит общие итоги исследования, отвечая на вопрос, что наиболее характерно для «систем взаимности» в сельских общинах Финляндии и Карелии. Во-первых, периодичность, большая часть обычаев приурочена к календарным датам (церковным праздникам и пр.), к которым старались приурочить даже семейные события, сватовство, свадьбы. Это отнюдь не случайно: «цикл взаимности представлял собой ритм жизни в примитивных социальных условиях» (стр. 231). Автор, видимо, прав, заключая, что «без традиций фиксированных периодов социальная взаимность, общение и контакты между группами не могли бы развиваться в тех условиях, когда существовали лишь очень немногие каналы коммуникации и когда коммуникация была возможна только через личные контакты» (стр. 232).

Во-вторых, Сармела отмечает очень важные исторические изменения в самих «типологиях взаимности», т. е. в формах общения людей: самые ранние из этих форм уходят в далекое прошлое, недоступное прямому изучению. «В период семейной общины и частью еще в исторический период взаимность была пассивной, извне направляемой в общинно-центрической (Community-centered) с точки зрения участия молодежи. Молодежь тогда, вероятно, не имела своих собственных систем взаимности... Взаимность молодежи имела целью брак. Такая установка выражалась, например, в «праздниках ножен» и в институте «сватов». Роль самих молодых людей была чисто пассивной. «Для этого сватовства (match-making) был характерен патриархальный родительский авторитет и пассивный фатализм молодежи» (стр. 232—233).

Впоследствии положение существенно меняется. «В конце эпохи сельского общения», в XIX в., формы «социализации», направляемые общиной, «превратились в институты специально для молодежи. Позиция молодого поколения стала более независимой и характер социализации существенно изменился. Взаимность стала активной, группно-центрической (group-centered) и направляемой изнутри самих социализирующихся групп» (стр. 233). Проще говоря, молодежь стала более самостоятельной, менее зависимой от старых общинных традиций. В эту-то эпоху распространяется обычай «ночного ухаживания» — «самая развитая и специализированная система взаимности». «Только теперь можем мы говорить о склонности и любви в отношениях между полами и вообще в половом поведении». Меняется характер игр, танцев, общение молодежи приобретает более сексуальный характер. «Обрядовые игры заменяются эротическими, общественные танцы — парными». Старинные песни в ритме Калевалы вытеснены новыми песнями любовного содержания. «Коротко говоря, мы можем сказать, что вместе с историей развития взаимности создался совершенно новый слой народной традиции». Кстати, эти перемены охватили не только собственно народную, крестьянскую культуру, но и всю страну. Они отразились «в высокой культуре, например в литературе, в социально-философских сочинениях, в появлении моральных вопросов», в «борьбе за сексуальную мораль» (стр. 236—237).

В дальнейшем изложении Сармела более обстоятельно рассматривает хронологические рубежи указанных перемен; влияние церковной реформации, отмены культа святых, вследствие чего прежние местные праздники, приуроченные при католицизме к дням местных святых, лишились этой опоры и распределились между общецерковными лютеранскими праздниками; постепенное распространение, прежде всего в западно-финских областях, «западной» культуры — период «аккультурации», охватывавшей постепенно сначала западные, потом более восточные области... Процесс изменений все ускоряется. Новейший период начался с 1870—1880-х годов — это «период современной плюралистической городской культуры» (стр. 242). Рассматривается затем «экология взаимности», т. е. влияние местных хозяйственно-культурных различий на ход и темп диффузии новых обычаев и аккультурации. Диффузия идет общим направлением с запада на восток, и в восточных районах всего дольше сохраняются архаические черты. «В конце периода сельского общества одна только православная Карелия осталась ареалом систем пассивной взаимности» (стр. 249). Наиболее прогрессивные формы общения молодежи (активные и самостоятельные) обнаруживаются в области Похьонмаа, где гуще всего шведское население и сильнее западное влияние. «Юго-западная Финляндия богаче всего социальными традициями, но в отношении интеграции молодежи более распылена чем Похьонмаа» (стр. 249—250). Короче говоря, автор пытается очертить характерные особенности каждой области внутри изучаемого им ареала, сводя их даже к нескольким «идеальным типам взаимности» (стр. 252 и др.). В то же время с «экологической» точки зрения вся Финляндия представляла собой периферическую зону внутри европейской культуры, зону диффузии, постепенно направлявшейся на восток и север (стр. 267).

В заключение автор задается вопросом: что будет дальше? Он полагает, что, как это уже было в эпоху «статического аграрного общества», среди нового поколения, для которого нормы городского общества уже не будут «динамическими» (т. е. попросту будут не в повинку), возникнут новые формы интеграции, новые ценности, новые нормы поведения. Каковы они будут, трудно предсказать, «но можно предположить, что вместе с потребностью к интеграции и организации возникнет тенденция уравнивать и закреплять (to equalize and stiffen) ценности и установки». «Эта нормативная ориентация движется, естественно, лишь в границах моделей идеального типа, совершенно так же, как было с динамизмом структурных изменений во взаимности и в развитии ценностей и исторических установок в период сельской культуры» (стр. 269).

Оценивая в целом книгу Матти Сармела, столь богатую фактическим материалом, блестяще обработанным и систематизированным, столь интересную своими общенотическими и этно-социологическими выводами, нельзя, однако, не обратить внимания на одну ее существенную черту, или, говоря прямо, на один ее весьма существенный недостаток. Этот недостаток состоит в старании автора выражать свои мысли, даже по существу очень простые, сугубо туманным и «ученым» языком. Многие места книги читаются с трудом, употребляемые термины плохо поддаются переводу. Некоторые термины, особенно настойчиво употребляемые автором, могут, пожалуй, ввести в заблуждение. Таковы излюбленные термины автора «социализация», «социализовать» и т. п. По смыслу — это просто «общение», но автор, видимо, хочет придать этому некое особое значение.

Термин же «взаимность» (reciprocity), употребленный даже в заголовке, вообще вводит читателя в заблуждение относительно самого содержания книги. О какой «взаимности» идет речь? Считать проявлением «взаимности» ярмарки, общественные собрания, церковные праздники, вечеринки и посиделки — значит лишать указанный термин определенного содержания. Категория «взаимности» получила в новейшей этнографической литературе специфическое и очень важное значение (Марсель Мосс, Бронислав Малиновский, Ральф Линтон и др.). В данном же случае речь идет, вероятно, просто о неверном английском переводе какого-то финского термина, видимо, означающего коллективность, общинность.

Вероятно, под влиянием некоторых дурных образцов в современной «западной», особенно американской, этно-социологической литературе, Сармела постарался оснастить свою книгу большим количеством графических схем, диаграмм и цифровых таблиц. Многие из них очень сложны и не только не делают более наглядным изложение — само по себе достаточно ясное, — но требуют от читателя совершенно ненужных умственных усилий, чтобы в них разобраться. Таковы схемы и таблицы на стр. 83, 102, 161, 162, 163, 169, 170, 171, 188, 203, 204, 242, 245, 248.

Зато карты и картограммы, приложенные к книге, и взятые по большей части из Финского этнографического атласа, представляют большой интерес.

В целом книга Матти Сармела составляет, бесспорно, крупный вклад в этнографическую и социологическую литературу. В ней исследованы исчерпывающим образом все проявления общинных традиций среди финского и карельского крестьянства, конкретно и убедительно показаны исторические изменения этих традиций, общее направление исторического развития; на большом фактическом материале рассмотрены стадии развития форм взаимоотношений полов среди сельского населения Финляндии, показаны движущие силы этого развития. При этом историко-этнографическое исследование умело увязывается с серьезным подходом к современному положению и путям дальнейшего развития интересующих автора явлений.

А. П. Санникова, С. А. Токарев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Michael Moerman. *Agricultural Change and Peasant Choice in a Thai Village*. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1968, 227 p.

Майкл Мёрман — сотрудник департамента антропологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе — написал первую в западной науке пространную монографию о лу, живущих в провинции Чиенграй в северном Таиланде. Книга содержит детальный анализ крестьянского хозяйства, основанного на выращивании орошаемого риса, и благодаря этому представляет интерес для тех, кто занимается проблемами сельского хозяйства и экономического развития стран тропического пояса.

Мёрман поставил перед собой задачу разобраться, насколько рациональны те решения, которые принимают крестьяне лу в конкретных ситуациях производственной деятельности.